

Берлинская конференция. 17 июля – 2 августа 1945 г.

Запись третьего заседания глав правительств

19 июля 1945 г., 16 час. 10 мин.

{69}

(Трумэн открывает заседание.)

Черчилль. Вчера генералиссимус в самом начале заседания поднял вопрос об инциденте на греко-албанской границе. Мы навели соответствующие справки, но не слышали о том, чтобы там происходили бои. Возможно, что там были небольшие перестрелки. Народы там не особенно любят друг друга.

В этом районе нет греческой полевой дивизии. Это мы знаем потому, что там находятся наши люди. Там имеются 7 тысяч человек национальной гвардии, которые находятся на границе с Албанией и Югославией. Они вооружены и снабжены для целей внутренней охраны. По другую сторону границы имеются 30 тысяч албанских войск, 30 тысяч югославских войск и 24 тысячи болгарских.

Я упоминаю об этом потому, что считаю, что конференция великих держав должна настаивать на том, чтобы не происходили подобные нападения через границу каких-либо держав. Границы {70} будут установлены на мирной конференции, и мы должны сказать, что тот, кто старается заранее определить свои границы, может оказаться в худшем положении.

Сталин. Тут происходит какое-то недоразумение. Мы не должны здесь, на конференции, обсуждать этот вопрос. Я его не ставил на конференции, я сказал об этом в частной беседе.

Черчилль. Я согласен с генералиссимусом, что этот вопрос не поднимался на заседании, однако, если этот вопрос будет поставлен в порядок дня, мы готовы его обсудить.

Трумэн. Мы этого вопроса обсуждать не будем, а перейдем к обсуждению тех вопросов, которые нам доложат от имени министров иностранных дел.

Иден. На сегодняшнем заседании министров иностранных дел г-н Бирнс сообщил, что американская делегация внесла изменение в редакцию пункта 3 проекта об учреждении Совета министров иностранных дел. Министры согласились передать этот пункт в редакционную комиссию.

Затем министры иностранных дел рассмотрели политическую часть соглашения о политических и экономических принципах, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период. Английская делегация напомнила, что вчера проект соглашения был предварительно рассмотрен главами правительств и министрам было поручено представить сегодня свой доклад.

Министры иностранных дел просмотрели этот проект, внесли некоторые дополнения и изменения и представляют теперь на рассмотрение глав правительств новый проект политической части соглашения. Министры иностранных дел считают, что, когда будет закончено обсуждение и согласование экономической части проекта, будет необходимо рассмотреть на конференции вопрос об опубликовании всего соглашения в целом.

Далее министры рассмотрели вопрос о Польше; они имели очень важное и полезное обсуждение этого вопроса, который был передан затем в редакционную комиссию. Министры выразили надежду, что завтра можно будет сделать доклад по этому вопросу на конференции, если редакционная комиссия успеет закончить свою работу.

Министры договорились также представить на рассмотрение сегодняшнего пленарного заседания следующие вопросы: о германском военном и торговом флоте, об Испании, о выполнении Ялтинской декларации об освобожденной Европе, о Югославии и о вывозе промышленного оборудования из Румынии.

{71}

Трумэн. Первый вопрос - относительно германского флота. Мне кажется, что прежде, чем решать этот вопрос, необходимо решить другой вопрос, а именно: что является военными трофеями и что является репарациями. Если торговый флот является предметом репараций, то этот вопрос должен быть решен тогда, когда будут решаться вопросы репараций. Нам нужно поручить комиссии по репарациям определить круг тех ценностей, которые должны войти в репарации. Я проявляю особый интерес к торговому флоту Германии потому, что, может быть, его удастся использовать в войне против Японии.

Сталин. Военный флот, как и всякое военное вооружение, должен быть взят как трофей. Войска, сложившие оружие, должны сдать свое вооружение тем, перед кем они капитулировали. То же самое можно сказать и относительно торгового флота. Предложения военных представителей трех держав прямо говорят, что военный флот должен быть разоружен и сдан. Таковы условия капитуляции Германии. Возможно, что в отношении торгового флота можно поставить вопрос о том, является ли он трофеем или подлежит включению в репарации; что же касается военного флота, то он является трофейным имуществом и подлежит сдаче. Если вспомните случай с Италией, то вы увидите, что оба флота - военно-морской и торговый - попали в разряд военных трофеев.

Черчилль. Я не хочу подходить к этому вопросу с чисто юридической точки зрения и употреблять точные термины. Но я хочу добиться справедливости и дружественного решения этого вопроса, добиться соглашения по этому вопросу между тремя великими державами как части общего соглашения по всем вопросам, вытекающим из этой конференции. Я хочу сейчас говорить только о немецком военном флоте. В действительности мы имеем в наших руках все немецкие годные суда. Я полагаю, что общее дружественное решение вопросов, вытекающих из этой конференции, будет достигнуто, я в этом уверен, и поэтому в принципе мы не имеем возражений против раздела германского флота.

Я сейчас не говорю об итальянском флоте. Мне кажется, что этот вопрос нужно обсудить отдельно, в связи с нашей общей политикой в отношении Италии. Конечно, тут также поднимается вопрос о возмещении убытков. Что касается Великобритании, то она понесла очень большие убытки, она потеряла примерно 10 крупных боевых кораблей, т.е. линкоров, больших крейсеров и авианосцев, кроме того, по крайней мере 20 крейсеров и несколько сотен миноносцев, подводных лодок и малых судов.

Мне кажется, что подводные лодки нужно поставить в иную категорию по сравнению с остальным немецким военно-морским флотом. Эти подлодки играют особую роль; согласно конвенции, которая была подписана и Германией, их применение должно быть {72} ограниченным. Однако Германия нарушила эту конвенцию и использовала подлодки весьма широко, т.е. Германия использовала их незаконным путем, и в течение войны мы были вынуждены также отказаться от законного использования подлодок. Мое мнение таково, что эти подлодки должны быть уничтожены или потоплены.

Однако я понимаю, что новейшие немецкие подлодки, в частности наилучшие из них, представляют собой определенный научный и технический интерес и их необходимо оставить для ознакомления. Информация об этих подлодках должна быть представлена всем трем великим державам. Я не смотрю на это дело с чисто морской точки зрения и вполне признаю те потери, которые понесла Красная Армия в течение этой войны. Мы, по-моему, не должны принимать здесь окончательного решения, но по окончании конференции большинство этих судов должно быть уничтожено, а часть может быть распределена точно между всеми нами.

Что касается надводных судов, то они должны быть распределены одинаково между нами при условии, что мы достигнем общего соглашения по всем другим вопросам и что мы разойдемся отсюда в наилучших отношениях. Я не имею ничего против того, чтобы Россия получила третью часть германского флота, но только при тех условиях, о которых я сейчас упомянул. Я признаю, что такой великий и могущественный народ, как русский, внесший столь большой вклад в общее дело, должен быть приветливо встречен на океанах. Мы будем приветствовать появление русского флота на морях. Я понимаю, что очень трудно построить большой флот в короткое время. Поэтому эти немецкие суда могут послужить для изучения и для создания русского флота. Больше я ничего не могу добавить к этому.

Если желательно говорить о торговом флоте, то я кое-что мог бы также здесь сказать.

Трумэн. Пожалуйста.

Черчилль. Я думаю, что, пока продолжается война с Японией, немецкий торговый флот мог бы сыграть значительную роль в этой войне. Возможность скорее закончить войну зависит в значительной мере от торгового флота. Что касается людей, авиации, военно-морского флота - всего этого у нас хватает. Но у нас не хватает средств для перевозки этих людей, а также для переброски материалов. Кроме того, торговый флот нужен для доставки продовольствия на английские острова, а также для доставки продовольствия освобожденным европейским странам. Здесь каждая тонна представляет большую ценность. Мы с Америкой предоставили весь наш торговый флот для общего дела. Я бы очень сожалел, если бы 1,2 миллиона тонн торгового флота Германии не вошли бы в это общее дело для того, чтобы как можно скорее закончить войну с Японией.

{73}

Я хочу также упомянуть о следующем. Финляндия имеет торговый флот водоизмещением примерно 400 тысяч тонн. Этот флот перешел в руки нашего русского союзника. В руки русского союзника перешли также некоторые румынские пароходы, в том числе два важных транспорта, которые очень нужны для перевозки войск. Если будет произведено разделение флота на три части между нашими державами, то мне кажется, что торговый флот Румынии и Финляндии также должен войти в общее число судов для распределения.

Сталин. Мы ничего не брали у Финляндии из торгового флота, ни одного судна, а у Румынии взяли одно судно.

Черчилль. Я хотел только сказать о тех основах, на которых мы могли бы произвести распределение торгового флота.

Наконец, надо помнить о том, что кроме трех наших держав имеются и другие страны. Например Норвегия понесла очень большой урон в своем торговом флоте. Норвежский тоннаж, особенно норвежские танкеры, представлял собой большую силу. Весь свой флот они предоставили в наше распоряжение, и этот флот потерпел большой ущерб. Другие страны также потеряли большую часть своего флота. Мне кажется, что нужно было бы поставить вопрос о разделении торгового флота не на три, а на четыре части, чтобы четвертая часть пошла на удовлетворение интересов некоторых других стран, которые здесь не представлены. Я только предлагаю этот вопрос на рассмотрение и обсуждение.

Трумэн. Я со своей стороны хочу сделать замечание по этому вопросу. Я был бы очень рад разделить германский военно-морской флот на три части, кроме его подводного флота. Но я хочу отложить решение этого вопроса в интересах войны против Японии. Нам были бы очень полезны все эти корабли, потому что мы используем их не только для перевозки войск, но и для снабжения Европы. Положение сейчас таково, что наличных судов нам совершенно не хватает. Поэтому я очень хочу сохранить весь этот германский надводный флот для войны против Японии.

Считаю уместным здесь добавить, что по окончании войны с Японией у нас в США будет большое количество не только кораблей военного флота, но и большое количество торговых кораблей, которые могут быть проданы заинтересованным странам. Я был бы очень рад, если бы все корабли германского торгового флота были направлены для ведения войны против Японии.

Сталин. А если русские будут воевать с Японией?

Трумэн. Разумеется, русские могут претендовать на третью часть флота, которая будет им затем передана. Об этом можно договориться.

Сталин. Нам важен принцип.

{74}

Черчилль. Г-н президент, я полагаю, что мы можем достигнуть соглашения. Мне кажется, что сейчас эти корабли можно было бы разметить для каждого участника, и когда война с Японией окончится, то эти корабли будут переданы по принадлежности.

Сталин. Какие корабли?

Черчилль. Я имею в виду торговые корабли. Но мне кажется, что здесь принцип - самое важное. Нужно помнить, что наступление Красной Армии по побережью Балтийского моря заставило немцев оставить свои порты и, таким образом, немецкий флот был изгнан из Балтийского моря. Я должен признаться, что я поддерживаю желание генералиссимуса Сталина, чтобы русские получили часть военно-морского и торгового флота Германии, и считаю, что другой исход - это только потопить весь флот. Но это было бы неразумным ввиду того, что наш союзник желает получить часть этого флота.

Сталин. Нельзя изображать русских как людей, которые намерены помешать успешным действиям флота союзников против Японии. Но из этого нельзя делать вывод, что русские хотят получить подарок от союзников. Мы не добиваемся подарка, мы бы хотели только знать, признается ли этот принцип, считается ли правильной претензия русских на получение части немецкого флота.

Черчилль. Я не говорил о подарке.

Сталин. Я не сказал, что вы это говорили.

Я бы хотел, чтобы была внесена ясность в вопрос о том, имеют ли русские право на 1/3 часть военно-морского и торгового флота Германии. Мое мнение таково, что русские имеют на это право и то, что они получают, они получают по праву. Я добиваюсь только ясности в этом вопросе. Если же мои коллеги думают иначе, то я хотел бы знать их настоящее мнение. Если в принципе будет признано, что русские имеют право на получение трети военного и торгового флота Германии, то мы будем удовлетворены.

Что касается использования торгового флота Германии, и в частности той трети, которая будет признана по праву за Россией, то мы, конечно, не будем препятствовать тому, чтобы эта треть была максимально использована союзниками в их борьбе против Японии. Я согласен также, чтобы этот вопрос был решен в конце конференции.

Я хочу остановиться еще на одном вопросе. Как известно, большая часть флота находится в руках нашего союзника, но нашим людям закрыли доступ к военному и торговому флоту Германии, их не допустили к осмотру кораблей. Пусть хотя бы дали возможность ознакомиться со списками этих судов. Нельзя ли этот запрет снять, чтобы представители русской флотской комиссии были допущены к осмотру кораблей этого флота и к выявлению количества судов.

{75}

Черчилль. У нас тоже имеются факты, когда наших людей не допускали к осмотру некоторых военных трофеев на Балтийском море.

Сталин. На Балтийском море взяты только подводные лодки, но это абсолютно негодный, разбитый подводный флот. Но если имеется желание осмотреть его, то можно предоставить эту возможность в любое время.

Черчилль. Наш принцип - это равенство и справедливость. Поэтому я считаю, что ваше предложение является приемлемым, только мы просим, нельзя ли устроить так, чтобы дать нашим людям возможность осмотреть весьма интересное немецкое имущество, например на Балтийском море, в частности некоторые подводные лодки?

Сталин. Пожалуйста.

Трумэн. Я хочу здесь заявить от имени США, что все наши зоны для вас доступны и вы можете увидеть все, что вы пожелаете. Но мы хотим взаимно получить возможность осмотреть то, что нам будет интересно.

Черчилль. Я тут говорил о разнице между подлодками и надводными кораблями. Генералиссимус Сталин поймет нас, что мы очень чувствительны в этом вопросе как люди, живущие на острове. Наш остров доставляет нам менее чем 2/3 всех нужных нам продуктов питания. Во время этой войны мы очень сильно пострадали от подлодок - более чем кто-либо. Два раза мы были на краю гибели. Поэтому подлодка не является в Англии популярным типом военного корабля. Я стою за то, чтобы большую часть подлодок потопить.

Сталин. Я тоже за это.

Черчилль. И чтобы остальная часть подлодок была одинаково разделена между нами для научных и технических целей, потому что они представляют значительный интерес. Дважды мы почти стояли на краю гибели от действий вражеских подлодок. Я соглашаюсь поэтому, чтобы мы потопили большую часть подлодок и разделили остаток между тремя державами. Я прошу у генералиссимуса и президента извинения, но мы находимся в этом отношении в особом положении. От этих подлодок весьма пострадала наша военная мощь. Соглашаясь с этим принципом, я ставлю только условием, чтобы вопрос о том, какое число подлодок должно быть потоплено и какое число должно быть разделено, был разрешен в конце конференции.

Сталин. Хорошо, я согласен.

Трумэн. Мы достаточно обсудили этот вопрос и можем перейти к следующему вопросу.

Иден. Следующий вопрос - об Испании.

Трумэн. Генералиссимус желает высказаться по этому вопросу?

{76}

Сталин. Предложения розданы. К тому, что там сказано, я добавить ничего не имею.

Черчилль. Г-н президент, британское правительство - настоящее и предыдущее - питает ненависть к Франко и его правительству. Меня неправильно поняли и говорили, что я отношусь дружелюбно к этому господину. Все, что я сказал, это то, что в испанской политике заключается больше чем только карикатуры на Франко. Я считаю, что продолжающееся истребление людей, брошенных в тюрьмы за то, что они совершили 6 лет тому назад, и разные другие обстоятельства в Испании, по нашим английским понятиям, совершенно недемократичны.

Когда Франко прислал мне письмо, в котором говорилось, что он, я и некоторые другие западные страны должны объединиться против угрозы со стороны Советского Союза, я послал ему, с разрешения моего кабинета, весьма холодный ответ. Советское правительство, вероятно, помнит этот ответ, так как я послал ему копию моего письма, так же как я послал ее президенту. Поэтому между нами нет больших разногласий насчет тех чувств, которые мы питаем к нынешнему режиму в Испании.

Где я вижу затруднения в принятии проекта, предложенного генералиссимусом, так это в первом пункте, где говорится относительно разрыва всяких отношений с правительством Франко, которое является правительством Испании. Мне кажется, что такой шаг по своему характеру, имея в виду, что испанцы горды и довольно чувствительны, мог бы иметь своим последствием объединение испанцев вокруг Франко, вместо того чтобы заставить их отойти от Франко. Поэтому разрыв дипломатических отношений с правительством Испании мне кажется неудовлетворительным способом решения вопроса.

Это доставит нам некоторое удовольствие, но потом у нас не будет контакта, который нам может понадобиться в тяжелые времена. Я думаю, что такой шаг может только укрепить положение Франко, а если его позиции будут укреплены, то нам придется терпеть от него обиды или употребить против него свои силы. Я стою против употребления сил в подобных случаях. Я считаю, что мы не должны вмешиваться во внутренние дела государства, с которым мы расходимся во взглядах, за исключением таких случаев, когда то или иное государство нападает на нас.

Что касается стран, которые мы победили, то там мы должны установить собственный контроль. Что же касается стран, которые были освобождены во время войны, то мы не можем допустить установления там фашистского режима или режима Франко. Но здесь перед нами страна, которая не приняла участия в войне, {77} и поэтому я против вмешательства в ее внутренние дела. Правительству его величества потребуется длительное обсуждение этого вопроса, прежде чем оно пойдет на разрыв отношений с Испанией.

Мне кажется, что власть Франко находится сейчас под угрозой, и я надеюсь, что дипломатическим путем удастся ускорить его падение. Разрыв отношений, по-моему, очень опасный способ решения вопроса. Кроме того, следует учесть, что всегда могут появиться возможности возобновления гражданской войны в Испании, а эта война стоила Испании 2 миллионов убитыми из общего числа 17 или 18 миллионов населения. И мне было бы жаль в настоящий момент активно вмешиваться в это дело, так как я считаю, что там действуют силы с целью изменения положения в лучшую сторону. Таков мой взгляд на этот вопрос.

Мировая организация, созданная в Сан-Франциско, отрицательно относится к вмешательству в дела других стран. Поэтому было бы неправильным, если бы мы приняли активное участие в решении этого вопроса. Это шло бы вразрез с принятым в Сан-Франциско Уставом международной организации.

Трумэн. У меня нет сочувственного отношения к режиму Франко, но я не хочу участвовать в испанской гражданской войне. Для меня достаточно войны в Европе. Мы были бы очень рады признать другое правительство в Испании вместо правительства Франко, но я думаю, что это такой вопрос, который должна решать сама Испания.

Сталин. Значит, в Испании все останется без перемен? А я думаю, что режим Франко укрепляется и этот режим питает полуфашистские режимы в некоторых других странах Европы. Нельзя забывать, что режим Франко навязан испанскому народу извне, а не представляет собой режима, сложившегося из внутренних условий.

Вы прекрасно знаете, что режим Франко был навязан Гитлером и Муссолини и является их наследием. Уничтожая режим Франко, мы уничтожаем наследие Гитлера и Муссолини. Нельзя также упускать из виду и того, что демократическое освобождение Европы к чему-то обязывает.

Я не предлагаю военного вмешательства, я не предлагаю развязывать там гражданскую войну. Я бы только хотел, чтобы испанский народ знал, что мы, руководители демократической Европы, относимся отрицательно к режиму Франко. Если мы об этом в той или иной форме не заявим, испанский народ будет иметь право считать, что мы не против режима Франко. Он может сказать, что, поскольку мы не трогаем режима Франко, значит, мы его поддерживаем.

Какие имеются средства дипломатического порядка, которые могли бы показать испанскому народу, что мы не на стороне Франко, а на стороне демократии? Допустим,

что такое средство, как {78} разрыв дипломатических отношений, является чересчур сильным, а нельзя ли нам подумать насчет других, более эластичных средств дипломатического порядка? Это необходимо сделать для того, чтобы испанский народ знал, что мы симпатизируем ему, а не Франко.

По-моему, было бы опасным оставлять режим Франко в том виде, в каком он сейчас существует. Общественное мнение европейских стран, как это видно из печати, так же как и общественное мнение Америки, не симпатизирует режиму Франко. Если мы пройдем мимо этого вопроса, могут подумать, что мы молчаливо освящаем, санкционируем режим Франко в Испании. Это большое обвинение против нас. Я бы не хотел фигурировать в числе обвиняемых.

Черчилль. У вас нет дипломатических отношений с правительством Испании, и вас никто в этом обвинить не может.

Сталин. Но у меня есть право и возможность поставить этот вопрос и решить его. Откуда люди могут знать, что Советский Союз сочувствует или не сочувствует режиму Франко? Принято думать, что "большая тройка" может решать такие вопросы. Я состою членом "большой тройки" так же, как президент и премьер-министр. Имею ли я право молчать насчет того, что творится в Испании, насчет режима Франко и насчет той большой опасности, которую этот режим представляет для всей Европы? Это было бы большой ошибкой, если бы мы прошли мимо этого вопроса и ничего об этом не сказали.

Черчилль. Каждое правительство имеет полную свободу высказаться индивидуально. Этой же свободой пользуется и печать, о чем упомянул здесь генералиссимус Сталин. Советская и отчасти американская печать очень свободно высказывались относительно положения дел в Испании. Что касается британского правительства, то, хотя мы и очень часто говорили об этом Франко и его послу, мы не хотели бы прекращать отношений с испанским правительством.

У нас очень долгое время существовали торговые отношения с Испанией, они нам поставляют апельсины, вино и некоторые другие продукты, мы, в свою очередь, поставляем им нашу продукцию. Если наше вмешательство не приведет к желанным результатам, то я не хотел бы, чтобы эта торговля была поставлена под угрозу. Но в то же время я вполне понимаю точку зрения генералиссимуса Сталина. Франко имел наглость послать в Россию "голубую дивизию", и поэтому я понимаю взгляды русских.

Но Испания ни в чем не помешала нам, она этого не сделала даже тогда, когда могла бы помешать в бухте Альхесираса. Никто не сомневается в том, что генералиссимус Сталин ненавидит Франко, и я думаю, что большинство англичан разделяют его взгляд. Я только хочу подчеркнуть, что мы от него ничего не потерпели.

Сталин. Дело не в какой-то обиде. Я, между прочим, считаю, что {79} Англия тоже потерпела от режима Франко. Долгое время Испания предоставляла свои берега в распоряжение Гитлера для его подводных лодок. Поэтому можно считать, что Англия так или иначе потерпела от режима Франко.

Но я бы не хотел, чтобы этот вопрос рассматривался с точки зрения какой-то обиды. Не в "голубой дивизии" дело, а в том, что режим Франко представляет серьезную опасность для Европы. Поэтому я считаю, что надо что-то предпринять против этого режима. Если разрыв дипломатических отношений не годится, я не настаиваю на этом. Можно найти другие средства. Нам стоит только сказать, что мы не сочувствуем режиму Франко и считаем справедливым стремление испанского народа к демократии, - нам стоит только это сказать, и от режима Франко ничего не останется. Уверяю вас.

Я предлагаю: пусть министры иностранных дел поговорят о том, нельзя ли придумать другую, более мягкую и эластичную форму для того, чтобы дать понять, что великие державы не поддерживают режима Франко.

Трумэн. Это меня устраивает, я согласен передать вопрос на рассмотрение министров иностранных дел.

Черчилль. Я был бы против этого. Мне кажется, что это такой вопрос, который должен быть решен в этом зале.

Сталин. Решать будем здесь, конечно, а министры пусть рассмотрят предварительно.

Трумэн. Я также не возражаю передать этот вопрос для предварительного рассмотрения нашим министрам иностранных дел.

Черчилль. Я считаю это нежелательным потому, что здесь вопрос в принципе, а именно: вмешательство во внутренние дела других стран.

Сталин. Это не внутреннее дело, режим Франко представляет международную опасность.

Черчилль. Это всякий может сказать о режиме любой другой страны.

Сталин. Нет, такого режима, как в Испании, не существует в любой другой стране, не осталось больше такого режима ни в одной стране Европы.

Черчилль. Португалию можно было бы осудить за диктаторский режим.

Сталин. Режим Франко создан извне, в результате вмешательства Гитлера и Муссолини. Ведет себя Франко очень вызывающе, он укрывает у себя нацистов. Я не ставлю вопроса о Португалии.

Черчилль. Я не могу советовать парламенту вмешиваться во внутренние дела Испании. Это политика, которой мы следуем уже на протяжении продолжительного времени. В то же время я был бы рад перемене режима в Испании, но только естественным путем. Я был бы лично очень рад, если бы в Испании произошла революция, например если бы там установилась конституционная монархия с амнистией для политических заключенных.

Но я считаю, что если бы я или британское правительство повлияли бы в этом смысле на Испанию, то чувства испанцев повернулись бы против нас и в пользу Франко. По-моему, в настоящее время Франко приближается к своему падению.

Если же мы предпримем здесь согласованные действия, то мы этим только укрепим его положение. В то же время британское правительство никоим образом не будет поддерживать Франко, нынешнее испанское правительство, за исключением продолжения с Испанией торговли, о чем я здесь уже говорил.

Трумэн. Я буду очень рад, если мы договоримся о том, чтобы передать этот вопрос на предварительное рассмотрение министров иностранных дел, чтобы они нашли подходящую формулу по этому поводу.

Сталин. Я понимаю затруднения, которые испытывает г-н Черчилль в связи с запросами в парламенте. Но это дело можно смягчить. А что, если так решить вопрос: отдельно вопроса о режиме Франко не ставить, условиться, что этот вопрос не стоял и не решался отдельно как вопрос о режиме Франко.

Поручить трем министрам иностранных дел, учтя обмен мнениями по вопросу о режиме Франко, подыскать подходящую формулировку по этому вопросу, включить, в частности, формулировку г-на Черчилля, что Франко идет к своему концу и что его режим не пользуется сочувствием демократических держав, что в общественном мнении этот режим невысоко стоит. Такую формулировку можно было бы включить в одну из наших деклараций о Европе в качестве одного из пунктов. У нас ведь будут какие-то общие декларации, можно было бы включить туда такую формулировку, выработанную министрами иностранных дел.

Это ни к чему не будет обязывать правительство Великобритании, но в этом пункте будет содержаться краткая оценка режима Франко, и общественное мнение будет знать, что мы не на стороне режима Франко. По-моему, мы должны принять такое решение. Пусть министры иностранных дел подумают о том, в какую форму это облечь.

Черчилль. Я еще не согласился в принципе, чтобы мы сделали совместную декларацию по этому вопросу.

Сталин. Не по Испании, а общую оценку мы дадим по Европе, и туда можно включить это в качестве одного из пунктов. Что же это такое получается: во всех наших документах мы говорим обо всех странах, кроме Испании.

Черчилль. Линия, которой я придерживаюсь, заключается в следующем: Испания - это страна, которая не была вовлечена в войну {81} и не является страной-сателлитом, она также не была освобождена союзниками, мы не можем поэтому вмешиваться в ее внутренние дела. Это вопрос принципа.

Что касается Югославии, Болгарии и других стран, то там имеется много вопросов, которые нам не нравятся и которые мы могли бы критиковать. Но эти страны были вовлечены в войну и были освобождены союзниками.

Если вы желаете, то можно было бы составить декларацию об общих принципах, на которых базируются демократические правительства. Это можно было бы обсудить. Я, например, имею в виду американскую конституцию. Франко, безусловно, очень далек от этой конституции. Каждая страна отличается от другой, и поэтому, если мы будем вмешиваться, это доставит нам массу затруднений.

Я не знаю, что думают сами испанцы, но мне кажется, что одни думают так, другие - иначе, я уверен, что многие испанцы хотели бы освободиться от Франко, но без нажима извне. Я не вижу, чем могли бы заниматься министры иностранных дел по этому вопросу. Мне кажется, что это доставило бы им много очень трудной работы, а обсуждение этого вопроса оказалось бы бесполезным.

Трумэн. Я вижу очень мало возможностей достигнуть соглашения по этому вопросу на данном заседании. Может быть, лучше будет вернуться к нему позже?

Сталин. А может быть, все-таки передать это дело министрам иностранных дел, чтобы они постарались найти подходящую формулу?

Черчилль. Как раз в этом пункте мы не достигли соглашения.

Трумэн. Я думаю, что лучше мы сейчас перейдем к другому вопросу, а к вопросу об Испании вернемся позже.

Черчилль. Я не предлагаю отрицательного решения, я только предлагаю перейти сейчас к обсуждению других вопросов, а этот вопрос обсудить позже.

Трумэн. Переходим к следующему вопросу.

Иден. Декларация об освобожденной Европе.

Трумэн. Документ по этому вопросу я представил 17 июля.

Сталин. Я предлагаю этот вопрос сейчас отложить, мы можем внести другое предложение по этому вопросу.

Трумэн. Я не возражаю отложить сейчас этот вопрос.

Иден. Следующий вопрос - о Югославии. Мы уже передали [небольшой проект по этому вопросу](#).

Сталин. Я думаю, что мы этого вопроса не можем решить, не заслушав представителей Югославии.

{82}

Иден. Нужно обратить внимание на то, что мы достигли соглашения в отношении Югославии на Крымской конференции без присутствия югославских представителей.

Сталин. Теперь это союзная страна, в которой установлено законное правительство. Нельзя сейчас решать вопроса без участия югославских представителей. Тогда было два правительства, и они никак не могли помириться

между собой. Мы в это дело вмешались. А теперь там одно законное правительство. Пригласим представителей Югославии, заслушаем их, а потом примем решение.

Черчилль. Шубашича и Тито?

Сталин. Да.

Черчилль. Но они не соглашаются между собой, обе стороны сильно настроены друг против друга.

Сталин. Я этого не знаю. Давайте проверим это дело, пригласим их сюда, и пусть они скажут свое мнение.

Трумэн. Насколько это дело серьезное, чтобы их вызывать сюда? Я считаю это неудобным.

Черчилль. Мы поставили свою подпись под соглашением на Крымской конференции, а сейчас видим, что эта декларация в Югославии не выполняется: нет закона о выборах, ассамблея (АВНОЮ) не расширена, юридическая процедура не восстановлена, администрация Тито установила строго контролируемый партией режим, поддерживаемый политической полицией, печать также контролируется, как в некоторых фашистских странах.

Мы видим, что положение в Югославии не оправдывает наших надежд, выраженных в декларации Крымской конференции. Мы доставили Югославии значительное количество вооружения в то время, когда мы сами были слабы, и поэтому мы разочарованы и сожалеем, что события там приняли такой оборот. Наше предложение очень скромное, оно заключается в том, чтобы осуществить то, о чем было сказано в Ялтинской декларации.

Сталин. Г-н Черчилль сразу же перешел к обсуждению, вместо того чтобы ответить на вопрос президента, считает ли он этот вопрос настолько серьезным и важным, чтобы обсуждать его на нашей конференции и приглашать представителей Югославии. Если президент разрешит, я могу пойти по стопам г-на Черчилля и тоже приступить к обсуждению этого вопроса.

Видите ли, сведения, которые здесь изложил г-н Черчилль насчет факта нарушения известных решений Крымской конференции, эти сведения нам, по нашим источникам, неизвестны. Я бы считал правильным, чтобы мы заслушали самих югославов, дали им возможность опровергнуть эти обвинения или признать их правильными.

Черчилль. Я хочу, чтобы вы заменили слово "обвинение" словом "жалоба".

{83}

Сталин. Дело не в словах, и я, конечно, могу заменить слово "обвинение" словом "жалоба". Но нельзя судить целое государство, не заслушав его представителей.

Черчилль. Мы имели теперь возможность обдумать этот вопрос, и я считаю, что было бы целесообразным, если бы обе стороны смогли здесь встретиться, а именно Тито и Шубашич. Возможно, что тогда эти затруднения были бы устранены и мы могли бы прийти к согласованному решению. Но считаете ли вы, что маршал Тито согласится приехать сюда?

Сталин. Не знаю, нужно запросить, смогут ли они приехать.

Трумэн. Я хочу сделать, до того как будет принято решение, одно заявление. Я сюда приехал в качестве представителя США и приехал для того, чтобы обсуждать с вами мировые вопросы. Но я не приехал сюда для того, чтобы судить о каждой стране Европы, рассматривать споры, которые должны решаться мировой организацией, созданной в Сан-Франциско.

Если мы будем разбирать политические жалобы на кого-либо, мы будем только попусту тратить время. Если мы будем вызывать сюда Тито, Франко или других деятелей, то это ни к чему хорошему не приведет. Мы не представляем собою судебный

орган для разбирательства жалоб на отдельных государственных деятелей. Мы должны заниматься теми вопросами, по которым мы могли бы достичь соглашения.

Сталин. Это - правильное замечание.

Трумэн. Мы должны обсуждать те вопросы, которые интересны для каждого из нас.

Черчилль. Это, г-н президент, вопрос, интересующий и США, потому что здесь речь идет о выполнении тех решений, которые были приняты на Крымской конференции. Тут вопрос принципа. Конечно, совершенно ясно, что нужно принять во внимание положение в Югославии, положение маршала Тито. Не много времени прошло с тех пор, как наступило успокоение страны. Но все, что мы имели в виду в нашем проекте, это пожелание, чтобы было выполнено то, что было сказано на Крымской конференции.

Сталин. По-моему, решения Крымской конференции выполняются маршалом Тито полностью и целиком.

Трумэн. Это правильно, что не все решения Крымской конференции выполняются Югославией. У нас тоже есть жалобы. Нужно указать югославскому правительству на это. Но мы могли бы отложить этот вопрос до следующего заседания.

Черчилль. Я хотел бы поблагодарить генералиссимуса Сталина за его терпение при обсуждении этого вопроса. Если мы не можем говорить о тех разногласиях, которые иногда возникают между нами, если мы не можем обсуждать их здесь, то где же можно эти разногласия обсуждать?

{84}

Сталин. Мы здесь и обсуждаем. Но решать вопрос без обвиняемого нельзя. Вы обвиняете главу югославского правительства, я прошу заслушать его и потом принять решение. А обсуждать можно сколько угодно.

Черчилль. Я согласен с этим, но президент против вызова сюда Тито.

Сталин. Тогда придется вопрос снять.

Трумэн. Переходим к следующему вопросу.

Черчилль. Мы представили [документ по вопросу о Румынии](#). Мне кажется, что этот вопрос может быть передан министрам иностранных дел для предварительного обсуждения, и возможно, что мы добьемся соглашения. Этот вопрос включает в себя много различных деталей.

Сталин. Я думаю, что мелкие вопросы могут решаться в простом дипломатическом порядке, без того чтобы ставить их на обсуждение нашей конференции. Для решения подобного вопроса существуют послы, они и могли бы его решить. Но если этот вопрос здесь поставлен, то я должен оспорить точность представленного меморандума. Речь идет о тех трубах, которые были куплены Румынией до войны у англичан. Во время войны немцы захватили эти трубы и объявили их своей собственностью. Часть этих труб мы вывезли, поскольку немцы частично разрушили нашу нефтяную промышленность на Северном Кавказе. После этого моего замечания я могу согласиться с тем, чтобы министры иностранных дел обсудили этот вопрос, но лучше было бы, чтобы Советский Союз и Англия решили этот вопрос в дипломатическом порядке, не отвлекая внимания конференции.

Черчилль. Это не совсем мелкий вопрос, потому что мы являемся той стороной, которая понесла убыток.

Сталин. От немцев, не от нас.

Черчилль. Совершенно верно, что немцы взяли у нас эти трубы. Но наши подданные заплатили за них, и поэтому мы считаем, что стоимость этих труб следует включить в сумму репараций, которая должна быть возмещена Румынией по условиям соглашения о перемирии.

Трумэн. Аналогичное положение сложилось с имуществом некоторых американских фирм. Не могли ли бы мы передать этот вопрос на обсуждение министров иностранных дел?

Сталин. Пожалуйста.

Трумэн. Повестка дня на сегодня исчерпана. Завтра заседание в 4 часа.

Выверено по изданию: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Том VI. Берлинская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.) М.: Издательство политической литературы, 1984.